

ре.

После того как король принял крест, его примеру последовали три его брата: Робер, граф д'Артуа, Альфонс, граф де Пуатье, и Шарль, граф д'Анжу, который позже стал королем Сицилийского королевства. К ним мы должны добавить Гуго, герцога Бургундского, Гийома, графа Фландрского, брата недавно почившего Гюи, графа Фландрского, и его племянника Готье. Последний мужественно вел себя за морем, и проживи он подольше, то еще проявил бы свои достоинства.

В число тех, кто возложил на себя крест, я должен включить графа де ла Марша и его сына Гуго ле Брюна, а также двух моих кузенов – графа де Сарребрука и его брата Жубера д'Апремона. Учитывая наши родственные отношения, я, Жан, хозяин Жуанвиля, позже отправился за море в их обществе на судне, которое мы совместно наняли. К тому времени мы представляли собой отряд из двадцати рыцарей, девять из которых были людьми графа де Сарребрука, а девять – моими.

К Пасхе года от Рождества Господа нашего 1248-го я собрал своих людей и тех, кто владел полученными от меня феодами. В канун Пасхи, когда все, созданные мной, явились, моя первая жена, которая была сестрой графа де Гран-пре, родила мне сына Жана, сеньора Ансервиля. Мы пировали и танцевали всю неделю. Мой брат, сеньор Вокулёра, и другие богатые и достойные люди с понедельника Пасхальной недели (Светлой седмицы) три последующих дня закатывали пиры один за другим.

В пятницу я сказал им: «Друзья мои, я скоро отправляюсь за море и не знаю, вернусь ли. Пусть каждый, у кого есть какие-то претензии ко мне, выйдет вперед. Если я поступил с ним несправедливо, я исправлю эту ошибку; излагайте и требования, которые у вас есть ко мне или к моим людям». Каждый раз я разбирался так, как у моих подданных считалось справедливым; чтобы не влиять на их решения, я устранился от обсуждений, а затем беспрекословно принимал их советы.

Поскольку я не хотел забирать с собой ни одного соля и даже денье, на которые не имел бы прав, то отправился к городу Мец в Лотарингии и заложил большую часть моих земель. Заверяю вас, в тот день, когда я оставлял нашу страну, отправляясь в Святую землю, я, поскольку моя матушка была еще жива, владел доходом не больше тысячи ливров от всех моих владений. Тем не менее я двинулся в путь, взяв с собой девять рыцарей и еще двух баннеретов рыцарей, имеющих право на собственное знамя. Я обращаю на это ваше внимание, чтобы вы могли понять – если бы Бог, который никогда не оставлял меня, не приходил ко мне на помощь, вряд ли я смог бы продержаться шесть долгих лет в Святой земле.

Когда я готовился к отъезду, Жан, сеньор Апремона и граф Сарребрук, прислал сообщение, что он полностью готов к походу за море и берет с собой девять рыцарей. Он предложил, если на то будет мое желание, совместно нанять судно. Я согласился; посему мои и его люди отправились в Марсель и наняли для нас корабль.

Когда король собрал всех своих вассальных сеньоров в Париже, он заставил их дать клятву, что, если с ним что-то случится во время его отсутствия, они останутся верны и преданы его наследнику. Он попросил меня сделать то же самое, но я отказался, поскольку тогда не был его вассалом.

По пути в Париж я встретил повозку, на которой лежали трое мертвецов; они были убиты каким-то клириком. Как мне сказали, их везли к королю. Услышав это, я послал одного из своих оруженосцев выяснить, что произошло. По возвращении он рассказал мне, что король, выйдя из часовни, ожидал на ступенях, пока не увидел мертвецов, и спросил у полицмейстера Парижа, что произошло.

Тот рассказал ему, что погибшие были тремя его стражниками из Шателе, которые шатались по пустынным улицам и грабили прохожих. «Они встретили этого клирика, – сказал он королю, – и, как вы видите, раздели его до нитки. Тот, оставшийся в одной рубашке, вернулся в свое жилище, схватил арбалет и взял с собой ребенка нести его меч. Как только он достиг грабителей, то окликнул их и сказал, что убьет их. Арбалет был у него наготове, и, выстрелив, он поразил одного из грабителей прямо в сердце. Остальные бросились бежать, но клирик схватил свой меч, который нес ребенок, и в лунном свете, который в эту ночь был особенно ярок, пустился за ними вдогонку.

Один из них, – добавил провост, – попытался перескочить через изгородь в какой-то сад, но клирик нанес ему удар мечом по ноге, которая, как вы видите, так и осталась в сапоге. Затем он кинулся за последним грабителем. Тот попытался укрыться в чужом доме, обитатели которого еще не спали, но клирик ударил его мечом по голове и рассек ее до зубов, в чем ваше величество